

КНИГИ

**Лики
русской
сцены**

«Зеркало сцены» — так называется новая книга известного нашего искусствоведа Е. Поляковой, вышедшая в издательстве «Наука». В зеркале этой книги отражены многие и многие одухотворенные, тонкие, классические, нервно-гойевские, рембрандтовско-полнокровные, репинско-спокойные, врубелевско-демонические, кипренско-романтические лики русской сцены — лица русского актерства, начиная с туманных времен чуть ли не до Алексея Михайловича и кончая великой Ермоловой. Но, быть может, главное, что отразилось в зеркале этой книги, — творческая индивидуальность ее автора. Вот мы все говорим о Ренессансе — мол, были тогда подлинно «синтетические» художественные натуры: одновременно и живописцы, и математики, и скульпторы, и географы, и ученые, и творцы. Но давно бы пора заговорить и о нас самих — не такие уж все мы запрограммированные на одно лишь узко-узенькое «цеховое» местечко в буржуазном разделении труда.

Автор «Зеркала сцены», право же, личность необыкновенная, ей одинаково близки история МХАТа, актерский гений Станиславского, космическое искусство художника Рериха, нравственные поиски Сулержицкого, игрища скоморохов, тончайшее живо-письмо Остроумовой-Лебедевой, значение самоцветных камней, дни и судьбы Малого театра, архивные изыскания в сокровищницах старых русских фамилий, да Бог весть что еще знает и умеет увлекательно писать Е. Полякова.

И все актерские судьбы, о которых идет речь в книге, будь то беспокойный гений Мочалов или гармонический талант Каратыгин, окружены здесь плотным, осязаемым бытом, неслучайно одна из глав так и называется «Быт — бытие». Е. Полякова описывает, как ели, сколько денег получали, с кем дружили, кого любили и ненавидели, какое имели жилье, хорошо или плохо строилась семья у замечательных русских актеров. Я думаю, что если бы наш автор занялся играми первобытных людей, она бы и там нашла густой, обжитой быт, понятие «первобытное», прочла бы именно раздельно — «первое» — «быт». Но из быта вырастает в книге Е. Поляковой высокое творческое, по-настоящему замученное жизнью, запертое средой, униженное алчностью, растоптанное нищетой. актеры и актрисы поднимались на сцену к самому Олимпу. Настоящее искусство, в конце концов, побеждает самый тяжкий, самый неприглядный быт.

Редкое достоинство, хочу я заметить в книге Е. Поляковой: речь об актерстве ведется в теснейшей связи с рассказом о драматургии, на пространствах которой и расцветают актерские таланты. Вне сценической литературы театр становится холодно-эстетским, безлично-безразличным к волнениям и симпатиям публики. Мысль автора о том, что нет различных понятий — «театр литературный» и театр собственно «театральный» — необыкновенно важна именно сегодня, когда все словно с цепи сорвалось, торопясь поскорее разрушить именно отечественные сценические традиции, размыть их некими пост-«пост»-«пост»-«пост»... модернизмами. Конечно, замечателен, блистателен век серебряный. Но не менее велик в искусстве был и век золотой — простейшая эта истина нуждается, оказывается, в доказательстве, и их щедро и талантливо отдает своим читателям Е. Полякова.

Естественно, можно и поспорить с автором, есть для этого пусть и немногочисленные, но поводы. Однако же книга так хороша, так нужна самому широкому читателю, что поспорю в другой раз, когда будет не такое хорошее, творческое настроение.

И. ВИШНЕВСКАЯ.

Культура — 1995. — 8 апр. — С. 9.